

шинстве своем гедонистически-книжеческих и материалистически-потребительских — фашизм, как в другом смысле и коммунизм, есть лишь профанация этого назревшего героического, агрессивного духа нового рождающегося человека, Человека-Победителя-Титана, прометеевски бунтарствующего Творца. Не поняв той новой, воинствующей Истины, под знаком которой рождается новая грядущая эпоха, он свет этот новый победный дух к старинной националистической драчливости. Так легче было идти не-творческому, обыденному сознанию, здесь проложена вековая тропа, по которой человек начал ходить, будучи еще полу-зверем. В результате фашизм не выводит человечество на высший этап его всемирно-исторического развития, а низводит его к примитивной зоологической ступени меж-человеческих и особенно международных отношений. Он не только не является носителем новой высшей культуры, но превращая мир в пороховой погреб, грозит взорвать на воздух и старую культуру, а до того вносит в человеческую и международную жизнь элементы огрубения, цинизма, освящения эгоизма и порабощения расы расой, нации нацией, т.е. следовательно, порабощения одной частью людей другой. Но тем не менее, и на фашизме лежит отблеск нового рождающегося победного сознания.

У древних римлян мужество было почти синонимом добродетели. Благодаря этому они впервые объединили мир, создали классические образцы государственности. Эту победную добродетель — мужество должен, в составе новых идей, новых целей и идеалов, вместить и новый формирующийся человек, который должен будет поднять знамя Борьбы, еще неизвестной в мировой истории, борьбы за величайшую власть человека в мире, власть его над своей Судьбой, власть над Природой и Историей.

«Рай находится под сенью мечей», как сказал Магомет. И даже в христианстве — этом наиболее пацифистском учении — прозвучала, правда, лишь отдельной нотой, та же вечная природа человека-борца: «те мир, но меч».

В этой связи должно быть реабилитировано и то, что является материалом всякой борьбы и ее орудием: сила.

Но — сила, а не насилие, ибо насилует не сила, а слабость. Насилие есть мнимая сила, которая хочет быть действительной. Это слабость, которая стремится пользоваться значением силы. Поэтому именно для того, чтоб не насилонать, нужно стремиться к силе. С другой стороны, нужно отличать силу и насилие, как нужно отличать богатство и злоупотребление им, или знание от употребления его во зло. Ибо как знание и богатство, она, будучи сама по себе благом, может быть направлена на осуществление зла. В таком случае насилие есть ничто иное, как ложно направленная сила.

А между тем, господствовавшее до нашей эпохи христианско-гуманистическое мирозерцание (современный гуманизм есть лишь секуляризованное христианство) дисквалифицировывало силу, как такую. В его представлении сила вызывает лишь недоверие, отталкивание и боязнь. Две тысячи лет миру прививалось это убийственное учение, учившее о **зле силы** и о **бессилии добра**. В результате человечество, поверившее в эту чудовищную ложь, раскололось на тех, кто избирал силу, лишенную добра и тех, кто избирал добро, лишенное силы. А от такого противопоставления гнула и сила, и добро, и в мире торжествовало лишь зло и бессилие.

В истории человечества не было лжи более глубоко и сокровенно отрицательной, чем это привитое его сознанию противопоставление, ибо если сила лишена истины, а истина лишена силы, то бессильная

истина и ложная сила суть начала, на которых не может держаться мир, а тем более строиться и возвышаться. С этим связан культ немочи и убожества, — в противоположность грядущему героическому культу величия и могущества, — который свойствен общему духу христианского учения и который, на основе общего его анти-реалистического нигилизма, приводит к квиетической и пессимистической дисквалификации жизни и мира. Христианство не верит в силу идеального в мире, сила которого для него лишь в отрицании мира. Об этом уже свидетельствует его центральный символ — этот страшный символ распятого миром Божества. И это то, чего новый человек, исполненный пафоса творческой Победы, никогда не примет и не может принять. Тем более, что этот символ: Бог, распятый миром, идеальное распятое реальным, есть величайшая ложь и клевета на мир, определившая собой всю нигилистическую направленность христианства. Больше того, наше время есть время низвержения этой лжи, без чего весь его грандиозный прометеевский замысел не мог бы быть даже мыслим. Наше время, наоборот, обретает ту Истину, которая только и может победить, ибо истина, как таковая, не может не быть могущественной, она, как таковая не может не побеждать.

Не только немощь есть зло, но и зло есть немощь, и не только добро есть мощь, но и мощь есть добро. В противоположность учению безнадёжности, учению о силе лишенной добра и о добре лишенном силы, должна быть утверждена новая истина великой Надежды, истина о силе добра и о добре силы. Тогда мир, пробудивший безграничную силу и мощь в себе и познав истинный путь к Добру, выйдет на нем действительным Победителем и достигнет подлинного Торжества.

Б.

Историческая проверка

Отрицательную природу идеи коммунизма-марксизма ее последователи могли бы уяснить, честно задумавшись лишь над двумя нижеследующими вопросами, являющимися, кстати, теперь актуальными.

Первый вопрос. Почему, всячески поносимая ими французская «буржуазная» революция, не только не привела к ослаблению франц. народа, но пробудила такую мощь его, что позволила маленькому, сравнительно, народу победить почти всю тогдашнюю Европу. Напротив того, коммунизм, овладев гигантской страной, богатейшей и одареннейшей, известной своим военным героизмом всему миру, — привел к такому ее ослаблению, что власть теперь вынуждена дрожать перед какой-нибудь маленькой молодой Польшей, в панике, задаром отдавая национальное достояние, отступать перед «феодалной» Японией, спать и во сне видеть страшный призрак гитлеровской Германии, той Германии, которая еще недавно — побежденная,

обескровленная и обезоруженная, лежала, распластанная, в бессилии и унижении? И это после почти двадцати лет властвования над Россией. Прибавим к этому, что тот же фашизм, в этой самой обескровленной войне и поражением Германии восстановил ее почти довоенную мощь едва ли не в два-три года. Точно также и Италию он превратил в первоклассную могущественную державу, подняв ее на краю государственного банкротства. А между тем, фашизм, как и революционная демократия «буржуазии», отнюдь не являются идеалом общественного устройства. Что же тогда сказать о коммунизме?..

Но еще показательнее второй вопрос. Всегда, как только коммунистическая власть в России предоставляла свободу частным формам хозяйства, тотчас же, словно по волшебному мановению, начинала возрождаться жизнь. И это, несмотря на всяческие ограничения, рогатки и меры подавления, в которых власть не отказывала себе и после такого «разжима». Но как только жизнью овладевал вновь стопроцентный коммунизм, все замирало снова, население начинало беднеть, всюду обнаруживался кризис недостатка товаров и продуктов. Так было на всех зигзагах колебания власти между коммунистической и частной формой хозяйства. Но если коммунизм не выдерживает сравнения даже с мелкой капиталистической формой хозяйства, притом, в таком ее виде, в каком она выступает в России — только что восставшей со смертного одра, гонимой и всячески эксплуатируемой властью, то что же сказать о нем, рассматривая его с точки зрения более высоких форм хозяйства будущего?

Мы привели общезвестные и разительные факты; а коммунисты утверждают, что они считаются только с реальными фактами. С другой стороны, они объявляют себя не сектой, а партией, руководствующейся научными данными, — наука же доверяет фактам и только фактам. Пусть же, учтя приведенные факты, сделают честно все выводы. — Не был ли их исторический опыт величайшим изобличением их идейной несостоятельности?

Лавров К.